УДК 159.9:34.01

САМООПРАВДАНИЕ УЧАСТИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ*

Пряжников Николай Сергеевич,
д-р пед. наук, профессор кафедры «Управление персоналом и психология», Финансовый университет; профессор факультета психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры психологии, РЭУ имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия
NSPryazhnikov@fa.ru

Полевая Марина Владимировна,
д-р экон. наук, заведующая кафедрой «Управление персоналом и психология», Финансовый университет, Москва, Россия
MVPolevaya@fa.ru

Камнева Елена Владимировна,
канд. психол. наук, доцент кафедры «Управление персоналом и психология», Финансовый университет, Москва, Россия
EKamneva@fa.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются профессиональные деформации личности специалиста как следствие самооправдания своего участия или намерения участвовать в экономических преступлениях. Также рассматриваются самооправдания участников эксплуататорских экономических отношений: тех, кто эксплуатирует и тех, кого эксплуатируют. Отмечается, что смысл подобных самооправданий в том, чтобы минимизировать переживания и сомнения деградирующей личности, особенно в условиях, когда такие деформации носят не только индивидуальный, но, по крайней мере, групповой (а иногда — и общественный) характер.*
Ключевые слова: *мотивационные самооправдания; экономические правонарушения; эксплуатация; криминализация профессиональной деятельности; профессиональная деформация личности.*

SELF-JUSTIFICATION INVOLVEMENT IN ECONOMIC CRIMES IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL DEFORMATION OF THE PERSON

Pryazhnikov N.S.,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Financial University, Moscow, Russia
NSPryazhnikov@fa.ru

Polevaya M.V.,
Doctor of Economic Sciences, Head of Department, Financial University, Moscow, Russia
MVPolevaya@fa.ru

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финуниверситета 2016 г.

Kamneva E.V.,
Candidate of Psychology Sciences, Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia
EKamneva@fa.ru

Abstract. *This article discusses the professional deformation personality specialist as a result of the participation of self-justification or intend to participate in economic crimes. Also discusses self-justification participants exploitative economic relations: those who "operate" and those who "operate". It is noted that the meaning of our self-absolving like to minimise the distress and doubt a mentally deranged person, especially in a context where such deformations are not only individual, but at least the Group (and sometimes-and public).*
Keywords: *motivational self-justification; economic crimes; exploitation; criminalization of professional activity; professional personality deformation.*

Проблема самооправданий личностью своего участия в экономических преступлениях

К сожалению, криминализация общественной жизни и профессиональной деятельности уже давно рассматривается как реальный фактор экономики. В современном мире, с одной стороны, развивается законодательство, а с другой стороны, сами законы (по мере их увеличения) становятся все менее эффективными.

Условно можно выделить следующие основные причины неэффективности многих существующих законов:

1) ослабление роли традиций и религиозных запретов, когда одному лишь закону сложно выполнять функцию этического регулятора;

2) увеличение реальных свобод во многих странах, что предполагает и более терпимое отношение к личности преступника, а также предоставление ему больших гарантий на сохранение его достоинства и возможности ресоциализации (исправления);

3) сама сложность многих законов осложняет их правильное понимание и предполагает их разновариантное толкование (с помощью умелых адвокатов, готовых «разваливать» дела по очевидным нарушениям, если их клиенты платят огромные гонорары);

4) самой пенитарной системой (учреждения, исполняющие наказания) часто не выполняется в полной мере одна из ее задач — ресоциализация и ценностная переориентация осужденных. Например, известный автор М.И. Еникеев пишет о том, что «традиционно сложившаяся „политико-воспитательная работа", содержащая в себе формальные средства воздействия, не принесла успеха в нашей пенитарной деятельности» [1, с. 491]. Следовательно, это приводит к существенному снижению личной ответственности (и даже чувства вины) потенциальных экономических правонарушителей, а соответственно, и к искажению их трудовой мотивации, в основе которой — самооправдание реальных или потенциальных экономических преступников [2].

Если раньше больше действовала логика наказания (палки), то в современном мире, по мнению российского философа Б.В. Маркова, все больше действует схема, основанная на чувстве стыда, вины, чести, но при возможности покаяния. В итоге важным самооправданием для личности, совершающей неблаговидные поступки, и для власти (руководства), побуждающей человека к таким поступкам, становится формула: «Греши, но кайся, и тогда будешь прощен» [3].

Об искушении нарушить существующие нормы и ценности пишет и польская исследовательница Х. Брыч. Специальный анализ, проведенный на польской выборке, позволил выявить разные уровни искушений, в частности:

1) искушения, связанные с властью и универсализмом (по принципу: если руководители будут достойными, то и мир станет лучше);

2) грехи против управления собой (как протест против манипуляции), предполагающие нарушение существующих традиций, правил безопасности и т.п.;

3) грехи против самого себя, предполагающие чрезмерный гедонизм, отказ от самореализации и т.п.

Исследование позволило сделать интересные выводы о том, что в целом поляки не сильно подвержены соблазну искушения нарушать существующие нормы, и о том, что в небольших городах люди меньше подвержены искушению,

чем в больших конгломератах; что существуют интересные возрастные и гендерные различия в подверженности искушению [4].

При анализе преступного поведения акцент делается на личности преступника, в основе которой извращенные отношения к социуму и соответствующие доминирующие побуждения [1, с. 141], что имеет прямую связь с мотивационной сферой. При расследовании преступлений специалисты стремятся определить мотивы совершенного преступления. К сожалению, на фоне того, какое значительное внимание придается личности преступника (в том числе, и в сфере экономики), практически отсутствует анализ личностей потерпевших (в частности, жертв экономических пирамид, обманутых вкладчиков в строительные авантюры и т.п.).

В психологическом плане возникает парадоксальная ситуация. С одной стороны, преступник явно понимает, что он нарушает закон, т.е. творит зло (исключение явно психически больные и слабоумные преступники), а с другой — все-таки совершает это преступление. И совершать его побуждает определенное мотивационное самооправдание [5]. Ряд авторов даже считает, что у преступников создается своя, с особой системой ценностей субкультура, на основе которой осуществляется их противопоставление обществу [6, 7].

Мотивационное самооправдание преступлений как проявление профессиональной деформации специалиста

Реальный или потенциальный экономический преступник, с одной стороны, понимает, что становится на путь личностной деградации (на основе предшествующего воспитания еще в детские годы), но, с другой — уже на основе нового (негативного) опыта и разочарования в прежних ценностях, он меняет свое отношение к тем действиям, которые сам ранее готов был осуждать. И тогда мы имеем дело уже с деградирующей личностью. Поскольку профессиональные деформации развиваются постепенно, и сама личность часто не воспринимает их негативно, то именно самооправдания нередко являются легализацией своих изменений [5, 8, 9].

Более того, самооправдания нередко становятся основой появления своеобразной морали, объединяющей людей, ставших на путь деградации. Например, это может быть воровская этика, этика предателя или этика труса, оправдывающего себя тем, что он борется за жизнь, а «жизнь — это высшая ценность и ради ее сохранения допустимы все средства». Поскольку в экономические преступления в той или иной форме включено немало людей, то многие из них больше ориентируются на типичные самооправдания своего морального падения, которое в их собственных глазах таковым, может, и не является. При этом можно разделить таких людей на две основные группы: те, кто искренне верит в правоту свои деяний и своих самооправданий, и те, кто внешне (для других) эти самооправдания произносят, но понимают, что деградируют как личности, а часто и как профессионалы.

Типичные самооправдания

Условно можно выделить следующие варианты мотивационного самооправдания лиц, совершающих экономические правонарушения [5, с. 263–266]:

1. Полулегальная криминализация российского общества, начавшаяся в период демократических реформ. Следует напомнить, что средства массовой информации начиная с 90-х гг. прошлого столетия активно пропагандировали мысль о том, что главной целью реформ является создание в кратчайшее время класса богатых собственников, и что это, к сожалению, «невозможно без некоторого нарушения закона». При этом предполагалось, что, получив огромные богатства, они станут благоустраивать страну. До настоящего времени многих вдохновляют примеры стремительного создания колоссальных состояний, хотя ситуация в стране постепенно оздоравливается.

Б. С. Братусь, известный отечественный психолог, характеризует современную ситуацию в стране словами, над которыми следует задуматься: «…вся наша перестройка куплена слишком дорогой ценой: сколько людей сидело в лагерях, тюрьмах, психиатрических больницах!.. И вот, наконец, диктатура пала! И что? Поле битвы досталось мародерам… Мы живем в каком-то бандитском государстве… Россия — страна, в которой человек всегда чувствует, что его не уважают. Человеческое „я” здесь никак не охраняется» [10]. К сожалению, для многих в такой ситуации до сих пор нередко характерно примерно такое рассуждение: «Уж лучше самому стать преступником, чем жертвой (лохом)».

2. Отдельная часть людей действует по принципу: «Все вокруг воруют, а чем я хуже?» К сожалению, вспоминается известный философ Ортега-и-Гассет, считавший, что самое страшное — это «массовый человек» как наихудшая разновидность «человека-выродка», который часто не имеет собственного мнения и не способен быть истинным субъектом как в плане построения личной жизни, так и в плане социальной активности [11].

3. Кто-то опирается на следующее самооправдание: «Если я не буду воровать, имея такую возможность, то меня просто перестанут уважать мои близкие, знакомые и коллеги» [5]. На этой основе нередко возникает расхождение между декларируемой и реальной корпоративной этикой, часто, к сожалению, ориентированной не на интересы потребителей и общества, а на прибыль и наживу многих топ-менеджеров и их приближенных.

4. Некоторые вынуждены совершать экономические преступления, оправдывая себя так: «Я работаю в системе (команде), где не воровать нельзя. Либо надо принимать нормы данного коллектива (организации), либо самому увольняться, но в другом месте я уже не смогу столько зарабатывать». К сожалению, нередко даже управленческую карьеру нельзя сделать, не приняв правила игры уже сложившейся управленческой команды, часто сформированные на общем преступлении. Рассуждения других членов команды зачастую представлены таким образом: «Если новый член нашей команды чист, то иметь с ним дело просто рискованно».

5. Какие-то сотрудники просто боятся, что узнали тайны фирмы. Заметим, что главной тайной нередко являются как раз финансовые махинации, и именно поэтому почти в каждой солидной организации выработана система охраны и стукачества, которой могут позавидовать многие государственные секретные службы. И тогда у человека появляется страх, что так просто его из организации не отпустят, а потому лучше не быть честным.

6. Относительно целого ряда профессий в нашей стране сформировалось убеждение, что их представители обязательно нарушают закон. Причем, это могут быть не только представители традиционно коррумпированных видов деятельности, но и работники образования, науки, культуры. Средства массовой информации достаточно часто подкрепляют это убеждение в сознании граждан, с восторженным пафосом рассказывая о взяточниках-преподавателях, ученых и т.п. К сожалению, такая убежденность значительного числа людей говорит о кризисе профессиональной нравственности. К еще большему сожалению, есть профессионалы, соответствующие аналогичным общественным представлениям. Этот вид мотивации самооправдания опирается на частично деформированное общественное сознание [12].

7. Зачастую мотивом совершения антиобщественных поступков в профессиональной деятельности становится стремление обеспечить благополучие своих близких и любимых: жены, сына, дочери, внука, нередко — любовницы. Быть спонсором весьма почетно как среди бандитов, так и среди «порядочных» правонарушителей (чиновников-вымогателей, продажных политиков и т.п.). Нередко слова «все готов сделать ради любимой дочки (внучки)» становятся в глазах окружающих чуть ли не главным оправданием любых нарушений закона.

Но наиболее удивительной является позиция тех, ради кого нарушается закон. В большинстве случаев и жены, и внуки, и любовницы, конечно, понимают, на какие деньги им покупаются дорогие подарки, но хранят молчание. А значит, они фактически являются соучастниками преступлений. Возможным объяснением такого молчания всех посвященных членов семьи может быть то, что это воспринимается ими как некая сакральная тайна, связывающая семью и делающая ее по-своему счастливой. По этому поводу французский психолог и социолог Серж Московичи писал, что «отказ от истины будет… причиной перехода от примата духовности к примату веры» [13, с. 432], имея в виду не сакральную религию, а мирскую (обывательскую). Возможно, если любимые жены и внуки станут спрашивать своих «спонсоров» о происхождении денег и подарков, то ситуация в обществе изменится кардинальным образом. Соответственно будет меняться и мотивация: или появятся новые мотивы оправдания своей асоциальной деятельности, или они сменятся на общественно-полезные.

8. Одним из мотивационных оправданий экономических преступлений следует назвать противопоставление себя — новых русских, лю-

дей успеха, которые сумели сориентироваться в изменившейся в стране ситуации и за короткое время получить баснословные состояния — остальной части населения, которая либо не смогла стать такой, либо сознательно не приняла участие в переделе собственности, руководствуясь моральными принципами. Следует отметить, что таким противопоставлением себя — чужим вообще характеризуется примитивное и особенно криминальное сознание [7].

9. Еще одно значительное мотивационное аргументирование экономических преступлений имеет связь с представлением о неизбежности и даже необходимости существования в обществе преступников. Многие уважаемые ученые считают, что «в социальную структуру общества неизбежно входят преступники, деловые люди, авантюристы» [14], что «преступность — одна из опорных точек системы» [15, с. 30] и т.п. Иногда общество сравнивают с экологической системой, в которой необходимы «санитары леса», пожирающие слабых и не очень умных. Но одной из задач государства является защита этих слабых, и она выполняется недостаточно эффективно. Поэтому, к сожалению, находятся желающие воспользоваться ситуацией, ощутить себя этими «санитарами».

Типичные самооправдания участников эксплуататорских экономических взаимоотношений

По К. Марксу, суть эксплуатации — в «отчуждении труда от капитала» и «эксплуатации свободного времени» работника [16]. Часто эксплуатацию определяют как присвоение результатов труда человека без обмена или с предоставлением взамен товаров (услуг, денег), стоимость которых меньше, чем стоимость, созданная трудом этого человека. Экономическая эксплуатация является одной из главных тем трудовой теории стоимости, особенно в марксизме. По мнению большинства авторов других экономических теорий, эксплуатации либо не существует, либо она носит внеэкономический характер (основана на насилии, обмане, зависимости, принуждении и т.п.).

Соответственно, нет единого понимания сущности эксплуатации, хотя о ней иногда и вспоминают, когда человек, хотя бы сердцем (интуитивно) чувствует, что его обманывают, «разводят», принуждают или вынуждают делать что-то, противоречащее его интересам и сущности. На уровне разума ситуация оказывается сильно запутанной, особенно когда существует много солидных идеологических, теоретических, мировоззренческих и даже религиозно-мистических обоснований того, что эксплуатация даже полезна и без нее не могут существовать нормальные (рыночные) экономические отношения. Это выражается в идее о том, что должны быть господа (элита) и простолюдины (масса), и это давно уже стало предметом специального изучения разных авторов [11, 13, 16].

В основе эксплуатации — нарушение принципа справедливости, когда кто-то пользуется благами, которые не заработал. Важная психологическая особенность эксплуатации в том, что она может быть и добровольной (или добровольно-принудительной). Например, в условиях массовой безработицы многие соглашаются на непривлекательные и унизительные условия труда и даже благодарят своих работодателей-благодетелей за то, что вообще предоставили работу.

Условно можно выделить следующие основные варианты эксплуатации:

- материальная, прежде всего финансовая эксплуатация;
- моральная эксплуатация или эксплуатация чувства собственного достоинства («первичной ценности любого человека», — как писал Дж. Ролз, американский философ и политолог). Например, неформальное право господина или работодателя унижать работника, даже при его высоких заработках; или различные дисциплинарные ограничения, запрещающие персоналу самовыражаться; или необходимость выполнять бессмысленные работы по принципу: «чтобы знали свое место и не роптали» и др.;
- эксплуатация физических данных и здоровья работника (особенно, когда работодатель сильно экономит на охране и безопасности труда);
- эксплуатация (использование) сомнительного юридического статуса работника (например, ущемление прав многих мигрантов и т.п.);
- эксплуатация доверчивости, а иногда и жадности населения (на этом основано вымогательство и вовлечение людей в сомнительные авантюры, наподобие финансовых пирамид);

• эксплуатация неграмотности населения (неспособности отстаивать свои экономические, юридические и гражданские права);

• эксплуатация порядочности работника, который, например, может из скромности соглашаться с явно заниженной зарплатой или делает тяжелую и ответственную работу, не требуя дополнительного вознаграждения;

• эксплуатация страха и неуверенности населения (или персонала в организации), когда людям вместо реальных причин называют ложные, и тогда страх перерождается в агрессию и начинаются погромы, гонения на неугодных власти;

• эксплуатация свободного времени работника, когда ему приходится, согласно установленному (абсурдному) порядку, тратить на выполнение многих заданий больше времени, чем этого требует здравый смысл и элементарные правила оптимизации труда и др. [16, с. 106–108].

Заметим, что в последнее время, на фоне усиливающейся бюрократизации производства, все чаще встречается последний вид эксплуатации — нерациональное использование свободного времени работников. Хотя финансовая эксплуатация (вопиющая несправедливость в оплате труда), даже по сравнению с эксплуатацией времени, пока еще остается в России доминирующей [17].

Проблему отношения к самой эксплуатации с позиций эксплуататора и эксплуатируемого в психологическом плане интересно рассмотреть в контексте проблемы личностной продажности [18]. Тогда проблема обозначается следующим образом: а можно ли вообще «купить» совесть, достоинство, честь? Возможна ли «покупка» любви, привязанности, Родины? По этому поводу замечательно сказал писатель И. Н. Шевелев: «Родину продают, но купить Родину — нельзя». Таким образом, неизбежен парадокс: существуют продавцы своего достоинства, совести, разных святынь (включая и Родину), но покупатели сами себя как бы обманывают.

Рассматривая профессиональную деятельность относительно приведенных выше рассуждений, можно сделать следующие выводы:

Типичными аргументами самооправдания «эксплуататора», обосновывающими его деятельность, могут быть следующие:

• люди считают, что ими должны управлять, так как сами не могут организовать свой труд, а управление людьми не может происходить без манипуляций, обмана и постоянного самоутверждения и демонстрации превосходства (в том числе, и элитного). Поэтому я вынужден манипулировать и обманывать;

• у некоторых людей существует пагубная потребность в постоянном соперничестве, выяснении превосходства одних людей над другими — это для них является важным стимулом;

• люди играют в определенную игру: «сегодня ты эксплуататор, завтра — я», надеясь в дальнейшем стать эксплуататорами (или хотя бы собственных детей увидеть «хозяевами жизни»), а сейчас подчиняются другим, при этом считая, что эксплуатировать сложно и трудно. Богачей и начальников не любят, презирают и завидуют им, что собственно и дает право богачам иметь определенные материальные и нематериальные блага, которые изымаются у эксплуатируемых.

Типичные доводы самооправдания «эксплуатируемых» приблизительно таковы:

• у некоторых людей присутствует рабская привязанность и любовь к своим кумирам, господам, хозяевам, поэтому они согласны на многое;

• если люди достигли уровня «хозяев жизни», то они действительно лучше нас, поэтому могут себе позволить такое, чего мы не можем позволить себе;

• всегда в мире кто-то должен командовать, а кто-то подчиняться;

• мы не можем решить многие вопросы без помощи своих хозяев (например, я не умею продавать, опасаюсь мафию и чиновников, а мой шеф ладит с ними, поэтому пусть он зарабатывает на моей работе в 10–20 раз больше, чем я, мне же будет спокойнее);

• справедливости в жизни никогда не было и не будет, изменить я ничего не могу, поэтому надо радоваться той жизни, которой живу и не витать в облаках.

Да, такие аргументы по своему правомерны, и для многих людей это является успокаивающим фактором, и даже иногда переходит в смысловые установки: «Так должно быть! А кто этого не понимает и не принимает, тот наш враг!».

Современные аргументы самооправдания «эксплуататоров» и «эксплуатируемых» в неко-

торой степени совпадают с высказываниями известных мыслителей: «Человек раб потому, что свобода трудна, рабство же легко» (Н. Бердяев); «Раб, довольный своим положением, вдвойне раб, потому что не одно его тело в рабстве, но и душа его» (Э. Бёрн); «Рабство может унизить людей до того, что они начинают любить его» (Л. Вовенарг); «Самое большое рабство — не обладая свободой, считать себя свободным» (И. Гете) и др.

В целом, мы с сожалением можем констатировать, что самооправдания морального падения и часто связанная с ним профессиональная деформация провоцируют людей чуть ли не добровольно деградировать — либо через ущемление прав зависимых людей (подчиненных, клиентов, посетителей), либо, наоборот, позволяя кому-то ущемлять свои собственные права (на основе терпения, ложной лояльности или толерантности). Вопрос о том, как помочь людям осознать свою деградацию и набраться сил для ее преодоления, должен стать темой отдельных исследований и публикаций, и мы приглашаем всех к ее обсуждению.

ЛИТЕРАТУРА

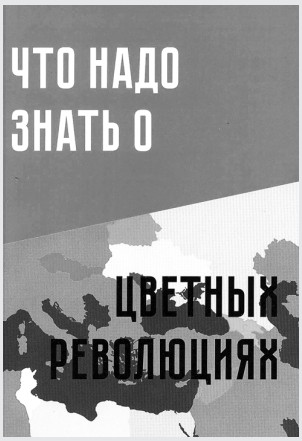
1. Еникеев М.И. Общая и юридическая психология: учебник. В 2-х ч. Ч. 1. М.: Юридическая литература, 1996.
2. Камнева Е.В., Анненкова Н.В. Психологические аспекты феномена коррупции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 4. С. 67–72.
3. Марков Б.Е. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1999.
4. Мотивация замысла / под ред. А. Кольянчик, Б. Войцишке: пер. с польск. Харьков: Гуманитарный центр, 2015.
5. Пряжников Н.С. Мотивация трудовой деятельности. М.: Академия, 2012.
6. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура. Тверь: ИПП «Приз», 1994.
7. Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М.: Юридическая литература, 1991.
8. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005.
9. Пряжников Н.С., Полевая М.В., Камнева Е.В. Парадоксы в понимании профессиональных деформаций личности // Вестник Финансового университета. 2016. Т. 20. № 6 (96). С. 170–177.
10. Интервью с Б.С. Братусем / Влияние современной американской психологию на практическую психологию в России // Сборник интервью. Специальное приложение к «Журналу практического психолога», 1998. С. 5–23.
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Психология масс: хрестоматия / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: БАХРАХ, 1998.
12. Зорина Е.В., Музашвили Д.З. Россия и глобализация: проблемы ценностной трансформации сознания личности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 4. С. 4–9.
13. Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
14. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990.
15. Менегетти А. Система и личность. М.: Серебряные нити, 1996.
16. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О коммунистическом труде. М.: Политиздат, 1984.
17. Пугачев В.П. Мотивация трудовой деятельности. М.: Гардарики, 2008.
18. Пряжников Н.С. S≠$, или Личность в эпоху продажности. М.: МПСИ, 2000.

REFERENCES

1. Enikeev M.I. General and legal psychology [Obschaya i yuridicheskaya psihologiya: uchebnik]. V 2-h ch. Ch.1. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1996.
2. Kamneva E.V., Annenkova N.V. Psychological aspects of a phenomenon of corruption [Psihologicheskie aspektyi fenomena korruptsii]. *Gumanitarnyie nauki. Vestnik Finansovogo universiteta — Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial university,* 2013, no. 4, pp. 67–72.
3. Markov B.E. Temple and market. The person in culture space [Hram i ryinok. Chelovek v prostranstve kulturyi]. St. Petersburg, ALETEYYa, 1999.

4. Motivation of a plan [Motivatsiya zamyisla] / ed. A. Kolyanchik, B. Voytsishke: per. s polskogo. Har'kov, Gumanitarnyiy tsentr, 2015.
5. Pryazhnikov N.S. Motivation of a labor activity [Motivatsiya trudovoy deyatelnosti]. Moscow, Akademiya, 2012.
6. Pirozhkov V.F. Laws of underworld of youth. Criminal subculture [Zakonyi prestupnogo mira molodezhi. Kriminalnaya subkultura]. Tver, IPP «Priz», 1994.
7. Hohryakov G.F. Paradoxes of prison [Paradoksyi tyurmyi]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1991.
8. Zeer E.F., Syimanyuk E.E. Psikhologiya of professional destructions [Psihologiya professionalnyih destruktsiy]. Moscow, Akademicheskiy proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2005.
9. Pryazhnikov N.S., Polevaya M.V., Kamneva E.V. Paradoxes in understanding of professional deformations of the personality [Paradoksyi v ponimanii professionalnyih deformatsiy lichnosti]. *Vestnik Finansovogo universiteta — Bulletin of the Financial university,* 2016, vol. 20, no. 6 (96), pp. 170–177.
10. Interview with B.S. Bratusj / Influence modern American psychology on practical psychology in Russia. Collection of an interview [Intervyu s B.S. Bratusem / Vliyanie sovremennoy amerikanskoy psihologiyu na prakticheskuyu psihologiyu v Rossii. Sbornik intervyu]. Spetsialnoe prilozhenie k «Zhurnalu prakticheskogo psihologa», 1998, pp. 5–23.
11. Ortega-i-Gasset H. insurrection of masses / Psychology of masses [Vosstanie mass/ Psihologiya mass: нrestomatiya / red.-sost. D. Ya. Raygorodskiy]. Samara, BAHRAH, 1998.
12. Zorina E.V., Muzashvili D.Z. Russia and globalization: problems of valuable transformation of consciousness of the personality [Rossiya i globalizatsiya: problemyi tsennostnoy transformatsii soznaniya lichnosti]. *Gumanitarnyie nauki. Vestnik Finansovogo universiteta — Humanities and Social Science. Bulletin of the Financial university*, 2014, no. 4, pp. 4–9.
13. Moskovichi S. Century of crowds [Vek tolp]. Moscow, Tsentr psihologii i psihoterapii, 1996.
14. Gumilev L.N. Ethnogenesis and biosphere of the earth [Etnogenez i biosfera zemli]. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1990.
15. Menegetti A. System and personality [Sistema i lichnost]. Moscow, Serebryanyie niti, 1996.
16. Marks K., Engels F., Lenin V.I. About communistic work [O kommunisticheskom trude]. Moscow, Politizdat, 1984.
17. Pugachev V.P. Motivation of a labor activity [Motivatsiya trudovoy deyatelnosti]. Moscow, Gardariki, 2008.
18. Pryazhnikov N.S. S≠$, or the Personality during a bribability era [S≠$, ili Lichnost v epohu prodazhnosti]. Moscow, MPSI, 2000.

КНИЖНАЯ ПОЛКА



Что надо знать о «цветных революциях». Учебное пособие для студентов вузов / Под общ. ред. А.Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики.— М., 2016.— 136 с.

ISBN 978-5-4263-0385-0

Учебное пособие посвящено анализу «цветных революций» как технологии государственных переворотов, особенностей их реализации и способам противодействия данным технологиям. Книга стала итогом работы научно-практического семинара Института истории и политики «Цветные революции: современная эпоха и ее диагноз» в 2015–2016 гг. Учебное пособие предназначено для специалистов-исследователей, студентов, аспирантов, государственных служащих, представителей политических партий и общественных организаций.